

ДА ЭТО ЖЕ ВОЛШЕБСТВО!

СЕРЕБРЯНАЯ СТРЕЛА

ЛЕВ ГРОССМАН

#эксмогеттово

Лев Гроссман
Серебряная Стрела
Серия «Фэнтези для подростков»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67896596
Серебряная Стрела: Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-171135-1

Аннотация

На день рождения Кейт получила... огромный паровоз «Серебряная Стрела»! Девочка так хотела, чтобы в её обычной жизни появились приключения, но работать вместе с братом кондукторами в волшебном поезде – вот это высший класс! И вскоре «Стрела» отправляется в путь. Ребятам предстоит помогать пассажирам (семейству оленей, например) и строго следить за тем, чтобы огонь в топке никогда не погас. Иначе... Что произойдёт? И где же другой волшебный поезд, «Вечерняя Звезда», бесследно пропавший много лет назад?.. Кейт понимает, что должна разгадать загадку волшебных поездов, иначе все пассажиры будут в опасности!

Содержание

Глава 1. Дядя Герберт – плохой человек	8
Глава 2. Дядя Герберт не стремится исправиться	17
Глава 3. Кейт наговорила ещё много всего	23
Глава 4. Что было дальше	29
Глава 5. Всё очень странно	36
Глава 6. Клац-клац!	42
Глава 7. На сортировочной станции	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лев Гроссман

Серебряная Стрела

Лили, Хэлли и Базу

Lev Grossman

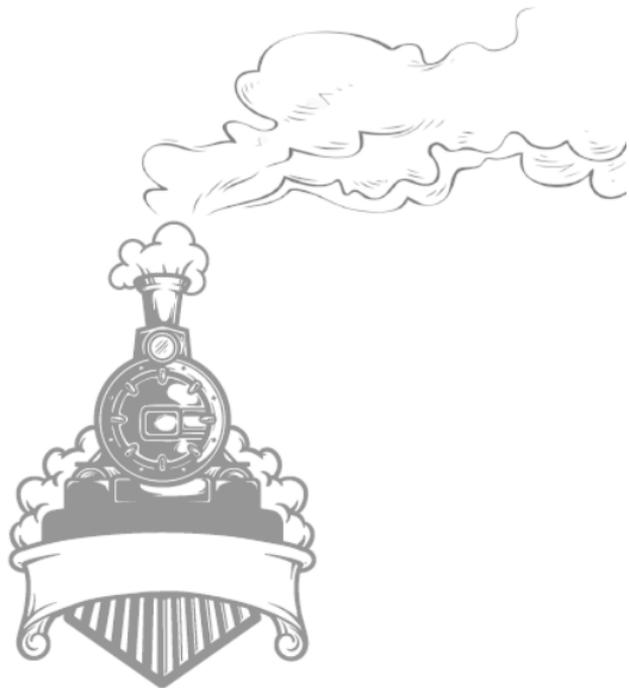
THE SILVER ARROW

Copyright © 2020 by Cozy Horse Limited

All rights reserved.

© Покидаева Т.Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Дядя Герберт – плохой человек

Кейт знала только две вещи о своём дяде Герберте: он человек очень богатый и совершенно безответственный.

Вот и всё. Вы скажете, так не бывает – всё-таки он её дядя, – но дело в том, что она никогда с ним не встречалась. Ни разу не видела даже на фотографии. Он был маминым братом, но они с мамой не очень-то ладили.

Это странно, если подумать. В смысле, у Кейт тоже был младший брат, Том, совершенно ужасный, несносный мальчишка, но она даже представить себе не могла, что они с Томом вообще никогда не общаются. Но, похоже, у взрослых такое бывает.

Дядя Герберт никогда не приезжал в гости. Никогда не звонил. Где он живёт? Чем занимается целыми днями? В воображении Кейт он занимался именно тем, чем, по её представлениям, занимаются все богачи: путешествует на далёкие острова, заводит редких экзотических питомцев и... я даже не знаю... покупает огромный пряничный домик и съедает его в одиночку. Она сама именно так бы и делала.

В общем, всё было странно и очень загадочно. Единственное, что доподлинно знали родители Кейт: дядя Герберт был жутко ленивым и имел много денег при полном отсут-

ствии чувства ответственности. Кейт не понимала, как он сумел разбогатеть, будучи столь безответственным и ленивым, но взрослые никогда не объясняют подобные противоречия. Они сразу же переводят разговор на другое.

Это вовсе не значит, что у Кейт были плохие родители. Они были вполне неплохими. Просто родительский долг, видимо, не стоял первым пунктом их жизненных приоритетов. Они уходили на работу рано утром, возвращались домой поздно вечером, и даже когда были дома, постоянно таранились в свои компьютеры и смартфоны и делали такие специальные серьёзные лица из серии «не мешай, мы работаем». В отличие от дяди Герберта, они много работали, не ленились и были очень ответственными людьми, но почему-то не богатели.

Наверное, поэтому их так бесил дядя Герберт.

В любом случае, у них почти никогда не было времени на Кейт.

Зато у Кейт было много времени на себя. Иногда даже *слишком* много. Она каталась на велосипеде, играла в видеоигры, делала уроки, гуляла с подружками и изредка даже играла с Томом. В отличие от многих ребят из их класса, у Кейт не было никаких особых талантов – она не умела рисовать, не умела жонглировать, не умела распознавать съедобные и ядовитые грибы, – хотя ей хотелось всё это уметь. Она много читала; ей часто делали замечания, что не надо читать за столом. Родители записали её на занятия по фортепиано и

теннису. (Тома записали на скрипку и хапкидо.) Однако бывали такие дни, когда Кейт стучала по клавишам пианино в гостиной или лупила мячом по двери гаража, отрабатывая удары слева и справа, и вдруг ощущала какое-то странное беспокойство. И даже досаду. Какой смысл в этих занятиях? Всё какое-то детское, всё как бы понарошку... Она, конечно, ещё ребёнок, но уже достаточно взрослый ребёнок, чтобы ей хотелось не только игр и притворяшек. Ей хотелось чего-то волнующего. Настоящего. Действительно важного.

Но ничего такого в её жизни не было. Только игрушки и компьютерные игры, теннис и пианино. В книгах жизнь всегда интереснее, чем на самом деле. В реальности ничего по-настоящему интересного не происходит. И, в отличие от книг, в реальной жизни не перескочишь через скучные куски.

Наверное, поэтому вечером накануне своего одиннадцатого дня рождения Кейт села за стол и написала письмо дяде Герберту. Письмо получилось коротким:

Дорогой дядя Герберт,

Мы незнакомы, но я Ваша племянница Кейт, и завтра у меня день рождения, и раз уж Вы очень богаты, не могли бы Вы, пожалуйста, прислать мне подарок?

С приветом,

Кейт

Она перечитала написанное и сама поняла, что это явно

не лучшее из всех писем за всю историю человечества, и она не была на сто процентов уверена, что поставила слово «пожалуйста» в правильном месте. Но письмо было написано искренне, а их учительница литературы всегда говорила, что искренность в тексте очень важна. Так что Кейт всё же бросила письмо в почтовый ящик. Всё равно оно вряд ли дошло бы до адресата, потому что на конверте не было адреса. Кейт не знала, где живёт дядя Герберт. К тому же у неё даже не было марки.

И каково же было её удивление, когда утром прибыл подарок от дяди Герберта. Это был паровоз.

Кейт не то чтобы очень хотела именно паровоз. Она вообще мало интересовалась паровозами и поездами, всё-таки это больше мальчишеские увлечения. Кейт нравились книги, и «Лего», и «Вэнималс», – компьютерная игра с милыми персонажами-зверятами, от которых пищали все её одноклассницы, и Кейт в том числе, хотя она сама толком не понимала, что в них такого хорошего.

Но она же не написала, какой именно подарок ей хочется получить, а у дяди Герберта, видимо, не было опыта общения с детьми. Так что вот. Кейт постаралась отнестись к произошедшему философски.

Её больше всего удивили размеры подарка. Паровоз был огромным. Действительно *огромным*. По почте такой не пошлешь. Его привёз грузовик со специальной укреплённой платформой на двадцати восьми колёсах. Том их сосчитал.

Паровоз был огромным, чёрным и невероятно сложным в устройстве. На самом деле он совсем не походил на игрушку. С виду это был самый настоящий паровоз в натуральную величину.

Дядя Герберт подтвердил, что он и есть настоящий.

Дядя Герберт приехал, чтобы лично вручить подарок. Прикатил на ярко-жёлтой «Тесле», такой обтекаемой и навороченной, что она напоминала одну из игрушечных спортивных машинок из коллекции Тома. Дядя Герберт был толстым, с редяющими каштановыми волосами и круглым добрым лицом. С виду – типичный учитель истории или кассир в парке аттракционов. Он был в синих кожаных туфлях, начищенных до зеркального блеска, и жёлтом костюме точно такого же оттенка, как его «Тесла».

Кейт с Томом выбежали во двор, чтобы рассмотреть паровоз поближе. У Кейт были прямые тёмные волосы длиной до подбородка и маленький, чуть заострённый нос, придававший ей сходство с капризной принцессой, хотя по характеру она была не капризной и совсем не стремилась в принцессы. Волосы Тома, светлые и коротко подстриженные, вечно торчали во все стороны, как шерсть у морской свинки, всклоченной после сна, а нос у него был такой же, как у сестры, только Тому он придавал сходство с капризным принцем.

Кейт так удивилась, что даже не сразу нашлась что сказать.

– Какой большой поезд.

Это было не самое остроумное замечание, но ничего другого ей в голову не пришло.

– Это не целый поезд, – скромно проговорил дядя Герберт. – Только локомотив. Паровоз. И ещё тендер – вагон с запасом угля.

– А сколько он весит? – спросил Том.

– Ровно сто тонн, – отчеканил дядя Герберт.

– Прямо-таки ровно? – уточнила Кейт. – Ровно-ровно сто тонн?

– Ну... нет, – сказал дядя Герберт. – Он весит чуть больше ста двух тонн. Сто две целых и тридцать шесть сотых тонны. Ты правильно делаешь, что не доверяешь слишком круглым числам.

– Я так и подумала, – сказала Кейт, которая действительно не доверяла слишком уж круглым числам.

Невозможно представить истинные размеры настоящего паровоза, пока он не окажется во дворе прямо у вас перед домом. Паровоз, подаренный Кейт, был примерно четыре с половиной метра в высоту и пятнадцать метров в длину – огромный локомотив с головным прожектором, дымовой трубой, раструбом для гудка и кучей труб, поршней, вентилялей и рычагов. Одни только колёса были почти вдвое выше Кейт.

Папа Кейт тоже вышел во двор. На самом деле, почти все соседи вышли на улицу подивиться на паровоз. Папа встал, уперев руки в бока.

– Герберт, – сказал он. – Что это за ерунда?

На самом деле он сказал не «ерунда», но слово, которое он произнёс, категорически не подходит для детской книжки.

– Это локомотив, – сказал дядя Герберт. – Паровоз.

– Я вижу, что паровоз. Но что он делает здесь, у меня во дворе?

– Это подарок для Кейт. И для Тома, наверное. Если Кейт с ним поделится. – Дядя Герберт обернулся к Кейт и Тому: – *Всегда надо делиться.*

Да, у него точно не было опыта общения с детьми.

– Это действительно щедрый подарок, – сказал папа, потирая подбородок. – Но нельзя было просто прислать ей игрушку?

– Это игрушка!

– Нет, Герберт, это не игрушка. Это настоящий паровоз.

– Ну да. Наверное, – легко согласился дядя Герберт. – Но если она собирается с ним играть, то формально это игрушка. Если подумать.

Папа и вправду задумался, что было большой тактической ошибкой. Кейт рассудила, что, наверное, ему стоило бы рассердиться и вызвать полицию.

Зато у мамы не было проблем с «рассердиться». Она пулей выскочила во двор с криком:

– Герберт, ты совсем головой повернулся? Что ты творишь?! Немедленно убери это чудище! Дети, слезайте с паровоза!

Эта последняя фраза была адресована Тому и Кейт, которые под шумок забрались на платформу грузовика и начали карабкаться вверх по боковой стене локомотива. Они не смогли устоять. Со всеми поршнями, трубами, рычагами и прочими штуками паровоз был в сто раз лучше любого скалодрома.

Ребята неохотно спустились и отошли на безопасное расстояние, но Кейт не могла отвести взгляда от паровоза – такого огромного, чёрного, замысловатого, с кучей деталей, наверняка предназначенных для интересной работы, и с уютной кабиной для машиниста. Он казался чарующим и зловещим, как спящий динозавр. И чем дольше Кейт на него смотрела, тем интереснее он становился.

И он был настоящим. Кейт вдруг показалось, что чего-то такого она и ждала, сама об этом не зная. Он ей вроде бы даже понравился.

На боку тендера было написано белыми заглавными буквами:

The image shows the title 'СЕРЕБРЯНАЯ СТРЕЛА' (Silver Arrow) in a stylized, grey, serif font. The text is centered and overlaid on a graphic of a silver arrow. The arrow has a fletched tail on the left and a pointed tip on the right. The text is written in a way that it appears to be part of the arrow's shaft.

Так назывался её паровоз. Надпись была перечёркнута длинной стрелой, как бы пронзающей буквы.

Глава 2. Дядя Герберт не стремится исправиться

– Он даже не серебряный, – сказал папа. – Он чёрный. И что такое «серебряная стрела»? Что вообще делают с такими стрелами?

– Охотятся на оборотней, – сказала Кейт. – Это все знают.

– И где мы будем его хранить? – спросила мама.

– Я уже всё продумал, – сказал дядя Герберт. – Проложим рельсы на заднем дворе и поставим его туда.

– Проложим ре... На заднем дво... – Мама так рассердилась, что ей не хватало дыхания закончить фразы. – Герберт, ты точно рехнулся!

– Никаких рельсов на заднем дворе не будет, – заявил папа. – Я собирался сажать там цветы.

– Уже всё готово, – гордо проговорил дядя Герберт. – Я нанял рабочих, и они проложили рельсы сегодня ночью. Я специально распорядился, чтобы они поставили глушители на кувалды. Не хотел, чтобы вас разбудили.

Родители Кейт сердито уставились на дядю Герберта. А Кейт подумала, что для круглолицего толстячка в смешном жёлтом костюме её дядя проявил поразительную деловую хватку. Ей вдруг пришло в голову, что это был яркий пример применения на практике одного правила, которым всегда ру-

ководствовалась одна из её кумиров, Грейс Хоппер: лучше просить прощения, чем спрашивать разрешения.

Грейс Хоппер родилась больше века назад, в 1906 году. В те времена в мире царили предубеждения, и профессия компьютерного программиста считалась неженской, к тому же компьютеры тогда ещё даже не изобрели, но Грейс Хоппер всё равно стала компьютерным программистом и написала первую в мире программу-компилятор. Она умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет, в звании контр-адмирала военно-морского флота.

В её честь называли авианосец. Грейс Хоппер была для Кейт образцом для подражания.

* * *

Спустя два часа все пятеро: Кейт, Том, мама, папа и дядя Герберт – стояли на заднем дворе и смотрели на паровоз. Его уже переставили на рельсы, проложенные среди чахлой, выжженной солнцем травы. Паровоз вместе с тендером занял почти весь двор.

Даже мама и папа не могли не признать, что он выглядел впечатляюще.

– Можно брать деньги с людей и пускать их посидеть в кабине, – сказал Том.

– Ну уж нет, – решительно заявила Кейт. – Я не хочу, чтобы какие-то посторонние люди тёрлись своими задами о си-

дня в кабине моего паровоза.

– Не говори слово «зад», – нахмурился папа.

– Вперёд-назад, – сказала Кейт. – Задним числом. Задний двор.

– Я тебя попросил...

– Он, наверное, очень старый, – сказал Том. – Сколько ему лет?

– Я не знаю, – сказал дядя Герберт.

– Какая у него предельная скорость?

– Не знаю.

– Сможет ли его поднять самый сильный человек в мире?

– Не зна... Хотя нет, погоди. Я знаком с самым сильным человеком в мире и уверен, что даже он не сумеет поднять паровоз. Хотите забраться в кабину?

Конечно, они хотели забраться в кабину. Это было непросто – как я уже говорил, паровоз был огромным, и его строили явно не для детей, – но Кейт с Томом мастерски лазили по деревьям и вообще где угодно, и под дверью кабины обнаружили две металлические ступеньки, и там был поручень, чтобы схватиться.

А дальше, если уж быть совсем честной, Кейт испытала разочарование. В кабине паровоза всё устроено совсем не так, как в кабине грузовика или, скажем, самолёта. Во-первых, там нет лобового стекла, потому что прямо перед кабиной стоит огромный паровой котёл, который всё равно загромождал бы обзор. Есть два окошка по обеим сторонам ка-

бины, но от них мало толку. Сама кабина похожа на крошечную комнатку – может быть, на машинный отсек корабля, но очень старого корабля, без компьютеров и радаров.

Повсюду тянулись медные и стальные трубы, похожие на заросли металлического плюща. Из них вырастали вентили, рукоятки и рычаги, застеклённые коробочки с какими-то круглыми шкалами и ещё больше труб. Нигде не было никаких подписей и ярлычков. В кабине пахло старым машинным маслом, как в гараже автосервиса. Да, паровоз был настоящим, но совсем непонятным.

Ребята нашли два откидных сиденья. Откинули их и уселись.

– Теперь понятно, почему машинисты всё время высовываются из окон, – сказал Том. – Иначе никак не поймёшь, куда едешь.

– Ага. Жалко, что мы никуда не поедём.

Кейт высунулась из окна.

– Дядя Герберт, тут всё так странно!

– Мы не знаем, что делать! – добавил Том. – Тут нет руля!

– Никто не рулит поездами, – сказал дядя Герберт, прищурившись. – Они едут там, где проложены рельсы.

– Ага, ясно.

Педалей газа и тормоза тоже не было. Во всяком случае, Кейт их не видела.

– А тут есть гудок? – спросила она.

– Есть, – сказал дядя Герберт. – Но он паровой. Без пара

не загудит.

– А...

Кейт с Томом бродили по тесной кабине, крутя за колёсики, дёргая за рычаги и сдвигая всё, что сдвигалось. Но ничего не происходило. Всё выглядело очень круто, но ребята не знали, как с этим играть. Они открыли заслонку печи, вделанной в стену. Внутри были только зола и холодный пепел.

Том объявил, что они в танке, встал на сиденье с ногами и расстрелял воображаемой пушкой воображаемую армию нацистов, но без особого воодушевления.

Потом они выбрались из кабины и спустились на землю, оба заметно разочарованные.

– Я знаю, что надо сделать, – сказала Кейт. – Надо соединить эти рельсы со старой веткой в лесу.

В лесу и вправду была старая, давно заброшенная железнодорожная ветка, её рельсы насквозь проржавели, погребённые под опавшими листьями и утопленные в земле. Кейт с Томом нашли её как-то раз, когда ходили в лес на разведку.

– Она давно не используется, – сказал папа.

– Так, а теперь все послушайте меня! – воскликнула мама, хлопнув в ладоши. – Сегодня день рождения у Кейт. А кто-нибудь помнит, когда день рождения у меня?

– Через неделю, – сказала Кейт.

– Точно. Ровно через неделю. Значит, неделю паровоз пробудет у вас. А на мой день рождения Герберт сделает мне подарок и увезёт его прочь.

– Что?! – Кейт не поверила своим ушам.

– А если я уже приготовил другой подарок? – тихо проговорил дядя Герберт.

– Крепкий большой грузовик, который увезёт паровоз прочь отсюда? – Мама воинственно подбоченилась. – Это будет твой подарок мне на день рождения?

– Нет.

– Тогда, что бы там ни было, отправь это обратно. На мой день рождения ты заберёшь паровоз, и надеюсь, мы больше его никогда не увидим.

– Нет! – крикнула Кейт, не успев хорошенько подумать, что она делает. – Это мой паровоз! Ты не можешь им распоряжаться!

Глава 3. Кейт наговорила ещё много всего

Кейт сказала родителям, что она их ненавидит и что они самые злые и гадкие люди на свете. Она сказала, что ей никогда в жизни не дарят ничего интересного, а теперь, когда всё-таки подарили, им обязательно нужно испортить ей радость. Она сказала, что родители её не любят и что их вообще ничего не заботит, кроме их глупых смартфонов.

Мне хотелось бы вам сообщить, что она говорила всё это сдержанным и рассудительным тоном, но нет. Она кричала как резаная.

Потом она заявила, что это был худший день рождения в её жизни, и мама велела ей идти к себе в комнату, и Кейт сказала: *Ну и пожалуйста*, – и ушла к себе в комнату, хлопнув дверью, хотя мама кричала ей вслед, чтобы она *не вздумала* хлопнуть дверью. Кейт просидела у себя в комнате целый день.

Всё, что она наговорила родителям, было неправдой, кроме разве что худшего дня рождения в её жизни, хотя когда ей было два года, она жутко температурила в свой день рождения, и её весь день рвало, так что вопрос о худшем дне рождения всё-таки оставался открытым.

В глубине души она всё понимала. Она понимала, что все

её беды – никакие не беды, по крайней мере в сравнении с бедами героев книг. Её никто не бил, не морил голодом, не запрещал идти на бал в королевском дворце. Злые приёмные родители не бросали её в чаще леса на съедение волкам. Она даже не сирота! Как ни странно, но иногда Кейт ловила себя на мысли, что ей *хочется* катастрофы – зомби-апокалипсиса, древнего проклятия, нашествия инопланетян, да чего угодно, на самом деле, – и тогда она станет героем, выживет, победит всех врагов и спасёт мир.

Она сама понимала, что это глупо. Она просто хотела почувствовать себя особенной. Хотела быть кому-то нужной. Ясно, что паровоз, полученный в подарок, не сделает её особенной. *Само собой*. Но она всё равно ощущала себя особенной, пусть и самую малость. Не каждой девочке дарят на день рождения паровоз! А теперь мама хочет отправить его обратно, откуда бы он ни взялся.

И, что самое неприятное, размышляла Кейт – с глазами, опухшими от слёз, она лежала у себя на кровати и угрюмо смотрела в окно, за которым уже потихоньку сгущались вечерние сумерки, – самое неприятное, что она и сама понимала, что мама права. Кейт не призналась бы в этом даже себе самой, но хотя паровоз был настоящим и невероятно крутым, он был ещё и безумно большим, и нелепым, и, самое главное, бесполезным. Дядя Герберт наверняка выложил за него кучу денег, на которые можно было бы купить что-то поинтереснее... я даже не знаю... маленькую под-

водную лодку, или космическую ракету, или супермощный компьютер. Или, может быть, роботизированный экзоскелет. Что угодно, лишь бы не дурацкий паровоз. Может быть, дядя Герберт вернёт его в магазин – или где продают паровозы? – и просто подарит ей деньги.

Кто-то постучал в дверь – судя по стуку, это был Том. Кейт не ответила. Том ушёл, потом вернулся и опять постучал, снова ушёл, и наконец просто вошёл к Кейт без стука и плюхнулся на нижнюю койку двухэтажной кровати. Теперь у них у каждого была своя комната, но раньше они спали в одной, и в комнате Кейт по-прежнему стояла двухэтажная кровать.

Сначала Том просто лежал и молчал, но он не умел долго лежать и молчать. Его всегда раздражала энергия, которой, кажется, было тесно у него в теле, и ему приходилось сжигать излишки. Он начал напевать себе под нос. Потом принялся барабанить по стенке кровати. Затем стал пинать верхнюю койку снизу. Потом притворился, что его застрелили, и упал с кровати, пытаясь рассмешить Кейт.

Кейт не рассмеялась.

– Уходи, – пробурчала она.

– По крайней мере, мы можем играть с паровозом ещё неделю. Это лучше, чем ничего.

Видимо, кто-то когда-то сказал Тому, что во всём надо искать свои плюсы. Кейт всегда раздражал неуёмный оптимизм брата, а уж сегодня и подавно. У Тома ни разу не отбирали подарок. И никогда не отправляли на целый день в

его комнату. По крайней мере, Кейт именно так и казалосьсь.

Молчание затянулось. Том никуда не ушёл.

– Кажется, поезд горит, – сказал он.

– Вот и хорошо.

– Ты хочешь, чтобы он сгорел? Почему?

– Потому что я его ненавижу.

– Почему?

– Потому что я всех ненавижу! И тебя в том числе!

– Ты какая-то злая.

– Я и не пытаюсь быть доброй!

Том выглянул в окно.

– Значит, сегодня тебе повезло, потому что поезд и вправду горит. Честное слово. Посмотри сама.

Кейт тоже выглянула в окно. И нахмурилась. В окошке кабины её паровоза плясал крошечный огонёк.

– Странно, – прошептала она.

– Думаешь, он и вправду горит?

– Как он может гореть? Он ведь железный.

Они потихоньку спустились в кухню и вышли во двор через заднюю дверь. Уже вечерело. Трава холодила босые ноги. Вы, наверное, подумали, что сейчас Кейт и Том должны были бы поднять тревогу и сообщить родителям, что у них во дворе, возможно, случился пожар в паровозе. Но они не побежали к родителям. Происходило что-то интересное, и Кейт не хотелось, чтобы взрослые вмешались и всё испортили. Они вечно всё портят.

– Смотри, – сказал Том. – Рельсы стали длиннее.

И действительно: ещё днём паровоз стоял на коротком отрезке рельсов, а теперь в траве протянулись новенькие, серебристо-стальные рельсы, уходившие куда-то вдаль.

– Мне понравилась твоя идея, – раздался голос из сумрака. – Соединить рельсы со старой веткой в лесу.

Дядя Герберт стоял, прислонившись к колесу паровоза. Пока он не говорил, Кейт его даже не видела.

– Дурацкая была идея, – пробормотала она. – Та ветка заброшена, и рельсы там ржавые, и они никуда не ведут. И даже если бы вели, паровоз всё равно с места не сдвинется. Если вы вдруг не заметили.

– Я заметил, – сказал дядя Герберт. – Зря ты считаешь, что взрослые ничего не замечают.

– Иногда именно так и кажется.

– А взрослым иногда кажется, что вы, дети, только и делаете, что пялитесь в телевизор или играете в свои компьютерные игрушки и совершенно не уделяете внимания реальной жизни.

Да, все взрослые так говорят, но Кейт удивилась, услышав подобную отповедь от дяди Герберта. Она уже начала надеяться, что он не такой, как другие взрослые, – но, конечно, он точно такой же. Взрослые все одинаковые.

– Почему я должна уделять внимание реальной жизни? – спросила она. – Реальная жизнь жутко скучная!

– Откуда ты знаешь, что она скучная, если не уделяешь ей

никакого внимания?

– Тогда, может, реальная жизнь тоже могла бы уделить мне внимание!

– Может быть, – тихо проговорил дядя Герберт, словно пытаясь напустить на себя таинственности. – Мир интереснее, чем нам кажется.

– Это было бы здорово. – Кейт скрестила руки на груди. – Потому что он кажется донельзя скучным!

– А как же таинственный огонь в кабине? Он тоже скучный? Ты же вышла во двор посмотреть, что происходит?

Возразить было нечего.

– Да, наверное, – сказала Кейт.

Она шагнула к паровозу, но остановилась и обернулась к дяде Герберту:

– Мы ещё не закончили наш разговор.

– Да, – кивнул дядя Герберт. – Ещё не закончили.

Глава 4. Что было дальше

Кейт подошла к паровозу и заметила кое-что ещё: из трубы на крыше струился белый пар и вился влажным туманом вокруг колёс.

Кейт вдруг занервничала.

– Давай, – сказал дядя Герберт. – Вот оно. В кои-то веки реальная жизнь сделалась интересной. Она уделяет тебе внимание. Ты же этого и хотела?

Кейт не любила, когда ей пеняли, повторяя её же слова, поэтому ничего не сказала, а просто залезла в кабину. Металлические ступени казались особенно твёрдыми под босыми ногами. Кабину освещало сияние пламени. Кто-то развёл огонь в маленькой печке, где прежде была лишь холодная зола. На улице было прохладно, но от печки исходил такой жар, то Кейт мигом согрелась.

И ещё кое-что интересное: раньше тендер был пустым, а теперь там лежала гора угля. Том забрался в кабину следом за Кейт.

– Круть, – сказал он. – Как в походе. Можно здесь заночевать.

– Как в том лесном домике с печкой, – сказала Кейт. – Когда мы ездили кататься на горных лыжах и папа в первый же день поранил колено и всю неделю ходил в плохом настроении. Ты был совсем маленьким и, наверное, не помнишь.

– Я помню. – Том откинул сиденье и уселся. – Я тогда потерял Лисика.

Плюшевый Лисик – полное имя Лисик Джонс – был любимой игрушкой Тома буквально с младенчества. Когда Лисик потерялся, Том плакал несколько дней – и до сих пор не может без слёз читать «Изумительного мистера Лиса». Да, у мальчишек тоже есть чувства, просто они почему-то старательно их скрывают.

Кейт выглянула в окошко. Окна их дома были ярко освещены, и Кейт видела, как папа накрывает на стол в гостиной. Готовится к праздничному ужину в честь её дня рождения. Сейчас он казался таким далёким, словно их разделяла тысяча миль.

– Жалко, что паровоз ненастоящий, – тихо проговорила она. – В смысле что он никуда не поедет. А так было бы приключение...

– Ага.

И тут один из больших рычагов с глухим лязгом сдвинулся вперёд.

Кейт нахмурилась.

– Странно... Это ты его сдвинул?

– Нет, – сказал Том.

Кейт высунулась в окно.

– Дядя Герберт? Тут что-то сдвинулось.

Дядя Герберт вскинул голову.

– Что значит «сдвинулось»?

– Само по себе.

Он нахмурился.

– Не может быть.

Но теперь всё в кабине задвигалось: закрутились какие-то медные колёса, поршни заходили вверх-вниз, ожили стрелки на датчиках. Защёлкали переключатели.

– Дядя Герберт, честное слово! Здесь всё движется! Почти всё!

Кейт впервые увидела, как на лице её дяди отразилась растерянность.

– Ясно. Думаю, вам лучше выбраться из кабины. – Он произнёс это с теми же осторожными интонациями, с какими люди обычно обращаются к расшалившейся кошке, пытаясь её вразумить. – И как можно скорее.

– Кейт, – сказал Том. – Может, и вправду...

– Но что происходит? Это какая-то игра?

– Не важно! – сказал дядя Герберт. – Просто спускайтесь!

Том пошёл к двери, но Кейт осталась на месте.

– Можешь идти, – сказала она. – Я не обижусь. Но мне хочется посмотреть, что будет дальше.

Том надолго задумался.

– Я тоже останусь, – наконец сказал он, причём очень серьёзным, торжественным голосом.

Теперь пар буквально валил из трубы, и вся лужайка за домом затянулась белёсым туманом. Повернулась какая-то ручка, из головного прожектора вырвался луч яркого белого

света, осветившего траву, и деревья, и стену соседнего дома. Откуда-то снизу донёсся резкий, довольный треск. Но не такой треск, когда что-то ломается. Скорее как будто освобо-дилась какая-то штука, которую заклинило сто лет назад.

– Это был тормоз! – закричал дядя Герберт. – Спускай-тесь! Быстрее!

Пфффф.

Паровоз издал глухой, хриплый звук, похожий на вздох древнего зверя, пробудившегося от очень долгого сна.

– Погодите... это взаправду или понарошку? – крикнула Кейт.

– Это волшебство! – Дядин крик почти утонул в шипении пара. – Вы же не думали, что богатство досталось мне тяж-ким трудом, да?

Кейт, конечно, ему не поверила. Потому что, в отличие от книг, в реальной жизни волшебства не бывает. Но других объяснений у неё не нашлось.

Пфффф...

Пфффф...

Пфффф...

Теперь треск, шипенье и звон доносились уже отовсюду. Паровоз – все его 102,36 тонны – покатился по рельсам так же плавно, как лодка проходит по тихому озеру. Сразу бы-ло понятно, что если такая тяжёлая штуковина сдвигается с места и набирает ход, её уже не остановишь.

Дядя Герберт побежал рядом, бормоча *нет, нет, нет* и

пытаясь запрыгнуть на паровоз на ходу, как бывает в кино. Кейт почему-то совсем не было страшно. Наоборот, она себя чувствовала счастливой, как никогда. Словно в ней тоже что-то освободилось. Словно её собственный заклинивший тормоз наконец встал на место. Да, вот оно. *Чего-то такого* она и ждала.

Дядя Герберт на собственном опыте убедился, что запрыгнуть на движущийся паровоз гораздо труднее, чем кажется в фильмах.

– Идите к нам, дядя Герберт! – крикнула Кейт.

– Не могу! Вылезайте!

– Нет, дядя Герберт. Вы сами сказали: жизнь становится интересной.

– Какой-то уж *чересчур* интересной! – Дядя Герберт остановился и наклонился вперёд, упёршись руками в колени и пытаясь отдышаться. – Вы ещё не готовы!

– К чему не готовы?

Кейт чувствовала, что готова ко всему. Ветер развевал её волосы. Она даже не знала, умно сейчас поступает или, наоборот, очень глупо. Но это было не важно, потому что её сердце буквально рвалось от восторга.

Это в тысячу раз интереснее компьютерных игр!

Пфффф.

Пфффф.

Пфффф, пфффф...

Пфффф, пфффф...

Глава 5. Всё очень странно

Паровоз свернул вправо, следуя по рельсам, уходящим в лес за их домом. У Кейт отлегло от сердца: она всерьёз испугалась, что разогнавшийся паровоз проломит забор и снесёт дом соседей – может быть, вместе с соседями. Но ничего страшного не случилось. Паровоз мчался в глубь леса.

– Не верю! – крикнула Кейт. – Так не бывает!

В ответ Том заухал, как филин.

– Да, действительно можно рехнуться!

Паровоз ломал ветки деревьев и разбрасывал в стороны целые стволы. Луч прожектора пробивал темноту, словно яростное дыхание дракона. Повсюду летали зелёные летние листья. Кейт понимала, что им попадёт. *Ещё как попадёт.* Их с Томом накажут *на всю жизнь вперёд*. Но оно того стоит!

Этот лес ребята знали как свои пять пальцев. Они оба жили здесь с самого рождения и излазили все окрестности вдоль и поперёк. В лесу за домом не осталось ни одного дерева или камня, на которые они не вскарабкались – и с которых не грохались – по миллиону раз. Но они никогда не бывали в лесу поздно ночью, и уж тем более не приезжали сюда на большом паровозе, не поддающемся управлению. Кейт уже мысленно приготовилась к самому худшему: что они разобьются, если паровоз врежется во что-то большое и твёрдое, или перевернутся, когда рельсы закончатся. Это

будет настоящая катастрофа. И всё же оно того стоит. Кейт поклялась себе, что никогда не забудет эту гонку сквозь ночной лес на её собственном – настоящем – паровозе.

Но они не разбились и не перевернулись. Паровоз мчался вперёд. Птицы испуганно взмывали ввысь. Ветки деревьев хлестали по окнам. Кейт с Томом истерически хохотали. Сколько продлится эта безумная гонка? Что ждёт их впереди?

Внезапно Том перестал смеяться.

– погоди, – сказал он. – А что будет, когда мы приедем к холму?

Хороший вопрос.

В старину, когда люди составляли карты и многие земли оставались ещё не исследованными, на тех участках, о которых никто ничего не знал, картографы рисовали драконов и морских чудовищ. Или просто писали: *Hic sunt leones*, – что в переводе с латыни означает «Здесь обитают львы».

Неподалёку от дома Кейт и Тома, прямо посреди леса стоял крутой каменистый холм – почти отвесный утёс – с сетчатым ограждением на вершине. А на другой стороне холма лежало жуткое тёмное болото, где обитала всякая мошकारа и, по слухам, жила гигантская кусачая черепаха, которая может запросто откусить человеку ногу. Если бы картографы из далёкого прошлого взялись составлять карту леса за домом Тома и Кейт, на месте холма и болота они точно нарисовали бы морских чудовищ. Или львов.

Кейт всё же отважилась высунуться в окно.

– Ой, нет. Мы уже почти там!

– Кейт, – очень серьёзно проговорил Том, – всё-таки мне бы хотелось понять, что будет. В смысле что будем делать? Спрыгивать на ходу?!

– Я не знаю!

Её как будто парализовало. От паники. А ведь она старшая, она должна знать! Впервые ей пришло в голову, что всё может закончиться очень плохо. Интересно, какая там глубина, на болоте? Если паровоз упадёт прямо в трясины и пойдёт на дно, им с Томом точно не выбраться. Они утонут.

Но теперь уже поздно что-то придумывать, потому что пока эти мысли вихрем неслись в голове у Кейт, «Серебряная Стрела» пробил сетчатое ограждение – легко, как кирпич пробивает оконное стекло, – замер на долю секунды на самом краю обрыва, как кабинка американских горок перед крутым спуском, и рухнул вниз.

Колёса стучали всё быстрее и быстрее. Кейт зажмурилась. В животе всё оборвалось, тошнота подступила к горлу. Кейт стиснула зубы и вцепилась в сиденье так крепко, что у неё побелели костяшки пальцев...

Но конец не наступил. Приземлившись у подножия холма, паровоз просто поехал дальше – быстрее, чем прежде, но тише, потому что ветки деревьев уже не хлестали по окнам. Кейт очень медленно разжала зубы и отпустила сиденье. *Пфффф, пфффф*. Паровоз пыхтел ровно и радостно. Кейт

осторожно открыла глаза.

Сейчас они с Томом должны были тонуть в болоте, и кусая черепаха нетерпеливо ждала бы на дне, когда можно будет откусить ноги у их захлебнувшихся тел. Но никакого болота не было и в помине. Паровоз преспокойно катился по рельсам, проложенным через тёмный тихий лес.

Кейт точно знала, что леса здесь быть не должно. Здесь должно быть болото, за ним – большой офисный комплекс, а за ним – скоростное шоссе. То есть леса тут быть не может.

Но сам лес об этом не знал. Он просто был – и становился всё гуще и всё темнее.

– Где мы? – прошептал Том.

– Не знаю!

– Мне до сих пор трудно поверить, что паровоз настоящий!

– Мне тоже.

– И что всё происходит на самом деле! Прямо сейчас!

Следующие пять минут Кейт с Томом ещё трижды говорили о том же самом. Другими словами, но с тем же смыслом. Они обсудили возможность, что их везут в Хогвартс, и решили, что всё-таки нет, хотя это было бы круто. К тому же Кейт как раз исполнилось одиннадцать лет.

Кейт высунулась в окно с одной стороны кабины, а Том – с другой. Кейт гадала, куда они едут, и стоит ли туда ехать, и где именно лучше всего спрыгнуть с паровоза – если всё же придётся прыгать, – так чтобы не пораниться и ничего себе

не сломать, и сколько времени займёт дорога домой, и что именно сделают с ними родители, когда они доберутся до дома. Конкретно сейчас Кейт совсем не хотелось проверять на практике справедливость теории Грейс Хоппер о прощении и разрешении.

И в то же время восторг, и энергия, и радость, которых она ждала всю свою жизнь, наконец-то накрыли её с головой, отзываясь волнующей дрожью в сердце. А значит, игра всё-таки стоила свеч.

Хотя был июнь, ночью на улице стало прохладно, и Кейт замёрзла в лёгкой футболке. Она была рада, что в кабине есть печка, где горит огонь. Через пару минут впереди показался какой-то бледный свет, пробивавшийся сквозь деревья.

Поначалу он был далёким и тусклым и то и дело терялся среди плотно сплетённых ветвей, но становился всё ярче и ярче, и когда паровоз подошёл ближе, Кейт разглядела, что это такое. Железнодорожная станция.

Не большой городской вокзал, а маленькая сельская станция – освещённая платформа на лесной поляне. На перроне стояли люди и ждали поезда.

Только это были не люди, а звери. Семейство оленей, волк, несколько лисиц, большой бурый медведь, с десятков кроликов или зайцев – или это одно и то же? – и барсук с полосатой мордочкой. На перилах платформы сидели птицы, большие и маленькие.

Они просто стояли или сидели, тихие, как пассажиры в ожидании утренней электрички. Каждый держал свой билет в клюве или во рту.

Глава 6. Клац-клац!

Подъезжая к платформе, «Серебряная Стрела» сбросил скорость, выпустил из трубы большое облако белого пара и остановился с громким свистящим *шшшшш*. На станции висели часы на фонарном столбе – старинные, круглые, с подсвеченным циферблатом. Было уже очень поздно, почти десять вечера.

Том подошёл к окну на стороне Кейт, чтобы посмотреть на животных. Животные тоже смотрели на них. Не убежали при виде людей, как это свойственно диким животным. Просто смотрели.

Это было как сон. На улице похолодало ещё сильнее, и дыхание зверей вырывалось из пасть облачками пара.

Наконец Том произнёс:

– Привет.

Кейт далеко не всегда радовалась присутствию брата – на самом деле она обычно предпочитала его отсутствие, – но сейчас Кейт была рада, что рядом есть Том. Она знала за собой привычку сомневаться во всём и слишком много думать. У Тома таких проблем не было, он просто выпаливал всё, что приходило ему на ум.

Маленький серый лисёнок наклонил голову и аккуратно положил билет на перрон.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – сказала Кейт.

– Долго здесь не было поезда, – сказал лисёнок.

– Очень долго, – сказал барсук, вынув билет изо рта двумя лапами.

Кейт промолчала, потому что не знала, что говорить. Всё, что приходило ей в голову: «Правда?» или «Ну надо же!» – казалось каким-то глупым.

– Как долго? – спросил Том.

– Уже лет тридцать, – сказал барсук. – Где вы были? Как-то вы припозднились.

– Погодите... вы разговариваете? – сказала Кейт.

– Конечно, мы разговариваем, – сказал лисёнок. – Но не с людьми. Если по правде, мы редко встречаем людей, с кем нам хотелось бы заговорить. Без обид.

Кейт решила, что это справедливо.

– Но вы же не ждали здесь, на платформе, все тридцать лет? – спросила она.

– Разумеется, нет. Мы просто периодически проверяем, что тут на станции. В смысле, мы же животные, нам не надо ходить на работу.

– Да, наверное.

– Вам нужно доехать до сортировочной станции и прицепить вагоны, – сказал кто-то из зайцев. – И лучше бы поскорее. Пока не стало уже совсем поздно.

– До сортировочной станции, – задумчиво проговорила Кейт. – Ясно. Спасибо. Мы так и сделаем.

Ей показалось, что это хороший совет.

– Значит, до скорой встречи.

Животные подняли свои билеты и снова замерли в ожидании. Паровоз дёрнулся, зашипел и отошёл от перрона. Том потянул за верёвку, свисавшую с потолка, и дал два коротких гудка:

уууу! уууу!

Кейт звонила в колокольчик, пока огни станции не утонули в темноте позади.

– Ты видел? – спросила Кейт.

– Ещё бы я не видел! – ответил Том.

– Говорящие животные! И они говорили с нами!

Это само по себе было невероятно, но Кейт больше всего взволновали слова животных. Значит, это не просто увеселительная поездка: Кейт с Томом надо приехать в определённое место – а именно на сортировочную станцию, где бы она ни была, – и приехать не просто, а ради дела – а именно чтобы прицепить к паровозу вагоны. Даже увеселительная поездка была интересной, но так получалось ещё даже лучше. Это не просто игра. Им поручили ответственное задание. Наверняка очень важное.

В печке весело трещал огонь, и Кейт подумала, что в кабине паровоза очень даже уютно. Пахло горячим машинным маслом: интересный, приятный запах. Всё было сделано из меди, латуни, кожи, дерева и стекла. Всё казалось старинным, как те экспозиции в музеях, которые всегда отгорожены от посетителей бархатными верёвками.

– Интересно, а кто ведёт паровоз? – сказал Том. – В смысле это точно не мы.

– Кто знает?

Внезапно у них за спиной раздался тихий треск, похожий на клацанье клавиш старинной пишущей машинки.

Кейт обернулась и только теперь заметила, что на стене кабины – среди труб, поршней и рычагов – висела коробочка с крутящейся бумажной лентой, выходившей из прорези сверху и уходившей в прорезь внизу. На видимой части бумаги было напечатано:

Я ЗНАЮ

Как только ребята это прочли, коробочка снова заклацала, лента сдвинулась, предыдущая надпись ушла вниз и скрылась из виду, а сверху выползла другая надпись. Это и впрямь было похоже на пишущую машинку или на очень древний принтер.

Ребята прочли:

**ДАЛЕЕ СЛЕДУЮТ ИНСТРУКЦИИ,
КАК УПРАВЛЯТЬ ПАРОВЫМ ЛОКОМОТИВОМ**

Ну вот, подумала Кейт. Началось.

Клац-клац. Появилась ещё одна надпись.

УПРАВЛЯТЬ ПАРОВЫМ ЛОКОМОТИВОМ
НЕПРОСТО

НО НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ,
Я ВАС НАУЧУ

– Прекрасно. – Том закатил глаза. – Паровозная школа.

Клац-клац.

ЭТО НЕ «ПАРОВОЗНАЯ ШКОЛА»

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ОБУЧЕНИЕМ

ПРИ УМЕЛОМ ПОДХОДЕ УЧЁБА
ПРОХОДИТ ЛЕГКО И ПРИЯТНО

ХОТЯ НАДО ПРИЗНАТЬ, ЧТО ПОДХОД
РЕДКО БЫВАЕТ УМЕЛЫМ

Том скрестил руки на груди. Его явно не убедили эти слова.

СМОТРИТЕ, УЧИТЬСЯ ЧЕМУ-ТО ВСЕГДА
НЕЛЕГКО И, КАК ПРАВИЛО, НЕПРИЯТНО

В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ВСЕ БЫ ТОЛЬКО И
ДЕЛАЛИ, ЧТО УЧИЛИСЬ,

И ТОГДА ВСЕ ЗНАЛИ БЫ ВСЁ

ПРАВИЛЬНО?

Кейт пожала плечами:

– Наверное.

НЕ НАВЕРНОЕ, А ТОЧНО

ПРОСТО НУЖЕН ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ

К СЧАСТЬЮ, Я ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ

– Ну да, как же, – буркнул Том себе под нос.

ИМЕННО ТАК

– Как ты вообще разговариваешь? – спросила Кейт, в полной мере осознавая, что почти тот же вопрос она задавала лисёнку.

Я НЕ ЗНАЮ, Я ПРОСТО ЕСТЬ

– Ты, наверное, большой металлический робот?

НЕ ЗНАЮ

НАВЕРНОЕ, ТЫ САМА ТОЖЕ РОБОТ,
ТОЛЬКО ИЗ ПЛОТИ И КРОВИ

ЕСЛИ ПОДУМАТЬ

Кейт подумала. И решила, что паровоз в чём-то прав.

СЕЙЧАС ВАША ЕДИНСТВЕННАЯ ЗАДАЧА:
ПОДКИНУТЬ В ТОПКУ УГЛЯ

УГОЛЬ В ТЕНДЕРЕ. ТАМ ЖЕ ЛОПАТЫ

ТОПКА – ЭТО ПЕЧЬ, ГДЕ ГОРИТ ОГОНЬ

– Я уже догадался, – пробормотал Том.

МЕНЬШЕ СЛОВ, БОЛЬШЕ ДЕЛА

В тендере и вправду нашлись две короткие лопатки и две пары перчаток, висевших на кольшках, вбитых в стену. Ребята надели перчатки и принялись кидать уголь в топку. Вскоре огонь, потихоньку начавший затухать, разгорелся с новой силой.

Ребята отлично справились с работой. Им было на удивление приятно видеть результаты своего труда.

– Значит, у нас говорящий паровоз, – сказала Кейт.

– Похоже на то.

Клац-клац.

ДА, ПОХОЖЕ НА ТО

Глава 7. На сортировочной станции

«Серебряная Стрела» с пыхтением мчался вперёд; Кейт подумала, что теперь, когда они с Томом подкинули в топку угля, паровоз запыхтел веселее и энергичнее. У неё никогда не было домашних питомцев, потому что у обоих её родителей была жуткая аллергия на всех животных, каких только можно представить, но она решила, что, наверное, именно так себя чувствует хозяин, когда кормит питомца. Пусть даже этот питомец сделан из металла, а сам настолько огромный, что ты сидишь у него внутри.

За окном пошёл снег, что было странно, если учесть, что сейчас вообще-то июнь. Впрочем, всё происходящее было странно, так что ещё одна странность, как говорится, погоды не делала. Паровоз продолжал говорить с Кейт и Томом. Он объяснил, как работает дроссельный регулятор, и показал, где находится тормоз. Потом велел посмотреть в окно.

Снаружи что-то происходило. Путь разделился на два пути, затем разделился опять, и опять, и вот уже вместо одной пары рельсов их стало несколько дюжин, и через пару минут их паровоз выехал на большое открытое пространство, где повсюду тянулись рельсы, тускло поблёскивающие в темноте, как стальные спагетти на гигантской тарелке.

Кейт с Томом осторожно сбросили давление пара и нажали на тормоз. Паровоз стал замедляться и остановился с глу-

хим паровым вздохом. Повсюду вокруг на мерцающих рельсах стояли вагоны, самых разных цветов и размеров. Их было много, наверное, несколько сотен. Новенькие и блестящие – и совсем старые, пыльные и проржавевшие.

Время было уже совсем позднее, но Кейт совершенно не хотелось спать.

На самом деле, она никогда в жизни не чувствовала себя бодрее.

– Наверное, это и есть сортировочная станция, – сказала она. – О которой говорил лисёнок.

– Он мне напомнил Лисика Джонса, – сказал Том. – Теперь надо понять, что нам делать.

Он посмотрел на рулон бумаги, где паровоз печатал им сообщения, но сейчас никаких сообщений не было. Снаружи ничто не двигалось. Только снежинки плясали в мягком, как будто призрачном свете фонарей. Кейт вдруг стало тревожно и неудобно: они оказались в таком странном месте, непонятно где, и рядом нет никого из взрослых.

А потом Кейт увидела, что прямо к ним кто-то идёт, пересекая заснеженные пути. Это был дядя Герберт.

Дядя Герберт! Как здорово, что он здесь! Они с ним познакомились только сегодня, но у Кейт было такое чувство, что она видит старого друга. Он был одет в ярко-жёлтую куртку, под стать его жёлтому костюму, и смешную кондукторскую фуражку. В руках он держал планшет с зажимом для бумаг.

Дядя Герберт остановился и посмотрел на ребят, высунувшихся в окно.

– Кейт, Том. Рад вас видеть. Значит, сюда вы добрались.

– Дядя Герберт!

– Дядя Герберт! – воскликнул Том. – Мы проехали через лес, и не разбились, и видели станцию, где были животные, и они говорили человеческим голосом, а потом паровоз тоже заговорил!

Эту фразу он выпалил на одном дыхании, словно одно длинное слово. Дядя Герберт совершенно не удивился услышанному.

– Как вы добрались сюда раньше нас? – спросила Кейт.

– Волшебство, – сказал дядя Герберт. – Послушайте, произошла чудовищная ошибка. Ничего этого не должно было случиться, по крайней мере, не так вот сразу. Паровоз отправился в путь слишком рано. Может, он просто не мог больше ждать, я не знаю. Но мне это не нравится. Нам повезёт, если мы все не окажемся в Депо. Но уже поздно что-либо менять, назад пути нет – только вперёд. Значит, вам надо ехать и постараться всё сделать как следует. Теперь вам нужно придерживаться расписания.

– Подождите... Что именно нам надо сделать? – спросила Кейт.

– Прежде всего надо собрать для вас поезд. К счастью, здесь уже много лет никто не проезжал, так что на складе есть всё. Или почти всё. Какие будете брать вагоны?

– Вагоны? В смысле вагоны для поезда?

– Да.

– Вы собираетесь нам подарить целый поезд? Просто так?

Кейт с большим подозрением относилась не только к слишком круглым числам, но и к людям, делающим неожиданные подарки.

– Ну, паровоз-то я вам подарил.

– Э... ну да. Ладно, из чего можно выбрать?

– Всё происходит немного не так. Это не ресторан, где предлагают меню. Это ваш поезд. Вы должны сами его придумать.

Кейт с Томом растерянно переглянулись.

– Если вам нужен совет, – деликатно проговорил дядя Герберт, – я бы рекомендовал начинать с пассажирских вагонов.

Он сейчас говорил точно как официант в дорогом ресторане.

– Да, – кивнула Кейт. – Хорошая мысль.

– Ага, – сказал Том.

– Два пассажирских вагона?

– Давайте, – сказала Кейт. – Два пассажирских вагона.

– Отлично. Что ещё?

Какие ещё бывают вагоны? У Кейт не было ни одной мысли. Как я уже говорил, она совершенно не интересовалась поездами.

– Э... вагон-ресторан?

– Вагон-ресторан. Замечательно. – Дядя Герберт записал всё на листочке, закреплённом на планшете.

Больше Кейт ничего не придумала.

– Том, давай ты.

– Ну... А можно нам два вагона-ресторана?

– Зачем два?

– Будет два ресторана. Когда один надоест, можно будет пойти в другой.

Кейт подумала, что это глупо, но дядя Герберт невозможно записал на листочке:

– Второй... вагон-ресторан... Прекрасно. К ним нужен ещё вагон-кухня.

– Две кухни! – Том, похоже, вошёл во вкус.

– Принято. Что ещё?

Наступила долгая тишина.

– Спальный вагон, – сказала Кейт. – В поездах же бывают такие вагоны?

– Спальный вагон.

– Больше я ничего не могу придумать.

– Можешь, – сказал дядя Герберт.

И Кейт действительно смогла придумать. Это была совершенно дурацкая мысль, но ничего другого ей в голову не пришло.

– Я бы хотела библиотечный вагон, – сказала она. – Вагон с книжными стеллажами и удобными креслами и диванами, куда можно пойти почитать.

Ей было немного неловко за такую придумку, но дядя Герберт даже бровью не повёл.

– Библиотечный вагон, – записал он на листочке. – Что ещё?

– Вагон-кинотеатр, – предложил Том.

– Такого нет.

– Почему?

– Фильмы можно посмотреть дома.

– А ей вы дадите библиотечный вагон!

– Я уверен, что она будет не против, чтобы ты тоже туда ходил.

– Это грабёж!

– Ладно, я верну вам деньги. Хотя погодите... Вы не давали мне никаких денег! Вы получаете поезд бесплатно!

– Тогда мне нужен оружейный вагон. Два оружейных вагона! В одном будет холодное оружие, в другом – огнестрельное.

– Нет.

– Видеоиг...

– Нет.

– Интерне...

– Нет.

– Ну, ладно. – Том скрестил руки на груди. – Давайте конфетный вагон. Это моё последнее слово.

– Конфетный вагон! – Дядя Герберт был так потрясён, что Кейт невольно хихикнула. – В жизни не слышал такого неле-

пого запроса!

– Да ладно! – воскликнул Том. – Будет круто!

– Я пошутил, – сказал дядя Герберт. – Конфетный вагон мы тебе обеспечим. Что ещё?

– Вагон-бассейн! – сказала Кейт. Попробовать стоило. Особенно после конфетного вагона.

– Принято.

– Хорошо. Что там у нас получилось? – спросила Кейт.

– Два пассажирских вагона, – прочёл дядя Герберт. – Два вагона-ресторана, два вагона с кухней, спальный вагон, библиотечный вагон, конфетный вагон, вагон-бассейн.

Два, четыре... десять вагонов. Вроде нормально для поезда. Хотя, может быть, всё-таки маловато.

– Давайте добавим открытую платформу, – предложил Том. – Просто настил, без всего. Там можно будет стоять и представлять, что мы занимаемся сёрфингом. И ещё нужен багажный вагон. В каждом поезде есть багажный вагон.

Дядя Герберт записал всё на листочке.

– Мне кажется, – сказала Кейт, – что нам нужен таинственный вагон. Чтобы мы не знали, что там находится, но обязательно что-то крутое.

Она подумала, что искушает судьбу с этим последним запросом, но дядя Герберт совершенно спокойно записал её пожелание.

– Больше я точно ничего не придумаю, – сказала Кейт.

– Я тоже.

– Кое о чём вы забыли, – сказал дядя Герберт.

– О чём?

– Ну, вспоминайте. Такой вагон есть в каждом поезде.

– А... служебный вагон!

– Вот теперь точно всё. – Он развернулся, готовясь уйти.

– Дядя Герберт? – У Тома был такой вид, словно он очень хотел задать вопрос, но не знал, как его сформулировать. – Зачем мы здесь?

– В смысле на сортировочной станции?

– Нет, в смысле вообще... На паровозе, в каком-то странном, непонятном месте. Куда мы едем?

Это был очень хороший вопрос. Кейт удивилась, что сама не додумалась его задать. У неё было странное, головокружительное ощущение, что она оказалась в какой-то огромной истории, смысла которой не понимает: словно ей предстояло сыграть в игру, правил которой она не знает, или как будто она выглянула в окно и вдруг поняла, что это окно – и она вместе с ним – располагается гораздо выше, чем ей представлялось.

– Вы едете навстречу приключениям, – сказал дядя Герберт. – Вы же хотели приключений?

– Да...

Это был явно не тот ответ, который хотел получить Том, но дядя Герберт взмахнул планшетом и объявил:

– Пойду передам ваш запрос диспетчеру. Да, кстати, пока не забыл: следите, чтобы бак с водой всегда был наполнен и

чтобы огонь в топке никогда не погас. И по дороге смотрите по сторонам. Может, найдёте вечернюю звезду.

Он пошёл прочь, но остановился и опять обернулся к ребятам:

– Погодите. Что-то не так. Вы какие-то... вялые. И унылые.

Теперь Кейт уже окончательно убедилась, что у её дяди не было опыта общения с детьми.

– Мы просто устали, – сказала она и зевнула. – Уже очень поздно.

– А... – Он потёр подбородок. – Вам и вправду давно пора спать. Сейчас мы быстро прицепим пассажирские вагоны и спальный вагон, и вы сможете лечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.